

что якобы и дало ему перевес над маловерными греками, предававшими веру отцов» (стр. 119). Это произошло потому, что публицисту, очевидно, «была известна молва о происхождении султана Магомета II от матери христианки» (стр. 119). Кстати, у Пересветова Магмет-салтан отнюдь не «тайный сторонник христианства» а лишь «веры христианьские из мысли не выпусти»,⁶ т. е. только думал о переходе в христианство. Но главное даже не в этом. Нет никакой надобности строить бездоказательные предположения о возможности знакомства Пересветова с молвой о том, что Махмед II «благочестиво чтит свою мать» (о матери турецкого султана в сочинениях публициста нет ни слова). Уже давно в литературе известны бытовавшие в XV—XVI вв. легенды о склонности завоевателя Константинополя к христианству.⁷ Их-то и имел в виду Пересветов, сообщая в своих трактатах о решении Магмет-салтана перейти в христианскую веру.

Сложнее обстоит вопрос о некоторых сторонах взглядов И. С. Пересветова. Нужно прямо сказать, что вопросы о близости публициста к реформационным течениям на Руси, об отношении его к ряду социальных явлений (в частности, к холопству и к кабальной зависимости) принадлежат к числу тех, которые нуждаются еще во всестороннем освещении. Однако нельзя не протестовать против тех методов полемики, которые применяют в своих «научных заметках» А. Л. Саккетти и Ю. Ф. Сальников.⁸ Оба автора пытаются доказать, что тезис В. Ф. Ржиги, Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье, Л. Н. Пушкарева и А. А. Зимина о близости Пересветова к таким вольнодумцам, как Матвей Башкин, является следствием «модернизаторского истолкования идейной борьбы XVI века» (стр. 121), основан на «произвольном» толковании исторических источников (стр. 117). Остановимся на аргументации А. Л. Саккетти. Прежде всего совершенно недопустимо, что автор обошел молчанием всю систему моих доказательств, изложенных в специальной статье о Пересветове и русских вольнодумцах XVI в.,⁹ ограничившись несколькими замечаниями по введению к публикации сочинений этого публициста XVI в., хотя эта статья ему была известна (см. стр. 117). В названной статье разбираются специально данные, говорящие о близости социальных взглядов Башкина и Пересветова (резкое выступление против полного холопства и кабальной зависимости), отмечается критика публицистом монашеской жизни, отсутствие влияния сочинений «отцов церкви», представление Пересветова о «мудром монархе», «мудрых» философах и «дохтурах», высказываются соображения о связи дела Башкина с судьбою Пересветова и т. д. Обо всем этом А. Л. Саккетти умалчивает. Но вести научную полемику путем умолчания, конечно, нельзя.

Каковы же собственные представления А. Л. Саккетти? Он исходит из той мысли, что Пересветов не решился бы обратиться со своими проектами к Ивану Грозному, «если бы не был твердо уверен в согласии царя с его точкой зрения» (стр. 117). А так как, по мнению автора, для Грозного характерно «иосифлянство», то и Пересветов не мог быть вольнодумцем.¹⁰

⁶ Сочинения И. Пересветова, стр. 151.

⁷ J. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. I, Pest, 1834, стр. 574.

⁸ Ряд справедливых замечаний в их адрес высказан А. И. Клибановым в его рецензии на издание «Сочинений И. Пересветова» (История СССР, 1957, № 3, стр. 206—208).

⁹ См.: А. А. Зими н. И. С. Пересветов и русские вольнодумцы XVI века. — Вопросы истории религии и атеизма, III, М., 1955, стр. 311 и сл.

¹⁰ Кстати, А. Л. Саккетти возражает против характеристики Пересветова «как вольнодумца и еретика». Между тем в названных им работах говорится, что публицист лишь в отдельных случаях «доходит до еретических утверждений» (Сочинения И. Пересветова, стр. 25), что он был близок к М. Башкину, но отнюдь не достигал